была любовницей императора Николая Павловича, нарисована далеко не отталкивающими красками, а, напротивъ, вѣетъ надъ нею, какъ всегда надъ невѣстами у Толстого, даже надъ Эленъ Куракиной, дуновеніе чего-то праздничнаго, святого и чистаго; и самъ Касатскій тоже полонъ въ эти минуты любви и умиленія, и радости,—такъ что, при всемъ ужасѣ и разочарованіи, какіе должна была ему принести неожиданная и позорная вѣсть, все-таки любовь и растроганность могли въ немъ оказаться сильнѣе; и къ этой искренне кающейся, исповѣдующейся бѣдной грѣшницѣ, уже не грѣшницѣ, въ бѣломъ платьѣ, къ этому майскому дню и тѣнистой липовой аллеѣ, къ этому юношѣ, влюбленному и такъ любившему Николая Павловича, что онъ „плакалъ слезами", глядя на него, можетъ быть, болѣе, чѣмъ презрѣніе и отчаяніе, шло бы чувство прощенія, слезъ, надежды на возрождающую и новую жизнь; во всякомъ случаѣ, Касатскій слишкомъ легко отрѣшился отъ своей любви, и не разбитое, оскорбленное сердце унесъ онъ въ монастырскую тишину, а свою гордость и желаніе ее показать, и лишь отчасти унесъ онъ въ тихую келью также и религіозное чувство). Именно потому, что Касатскій былъ жизнью и отъ природы ни въ какую пещеру скрыться нельзя, именно поэтому въ ночной сонъ его, на одръ одинокій, чтобы одръ одинокій не былъ гробомъ, ворвались эти звуки міра—„залились колокольчики, завизжали полозья", и, предупреждае-